

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие читатели!

Перед вами очередной выпуск журнала «Искусство Евразии», который мы посвятили одной из самых интересных и сложных тем — «Искусство и архитектура Восточно-Азиатского региона: от морфологии стилей к символике образов». В своих исследованиях, объединенных в рубрике «Форум», авторам удалось не только описать малоизученные произведения восточного искусства, но и раскрыть их глубокие смысловые слои с помощью искусствоведческо-семантического анализа.

Можно заметить, что в последнее время значительно возрос интерес зрителей и искусствоведов именно к семантике произведений искусства. Остановимся на этом подробнее. Одну часть аудитории восхищает совершенство художественной формы, вызывая душевный подъем и глубокие эстетические переживания. Произведений такого характера немало, особенно в дизайне и декоративно-прикладном искусстве. Однако растет и число тех, кто воспринимает художественное произведение как многоуровневую структуру, обладающую глубинными смысловыми слоями. Открывая их, зрители видят в авторе не просто мастера, а мудрого собеседника, ведущего к духовным и интеллектуальным открытиям.

Глубинных смыслов прежде всего ожидают от крупных полотен и эпических композиций. Однако порой даже небольшое, скромное на первый взгляд произведение способно открыть зрителю многое. Яркий пример тому — шедевр Анри Матисса «Натюрморт. Раковина на черном мраморе», жемчужина коллекции Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Эту лаконичную работу мастер писал удивительно долго — тридцать сеансов. На столе представлен простой набор предметов: изящная чашечка, фарфоровый молочник, кофейник, три яблока и неожиданный акцент — крупная раковина из южных морей. Живописец такого масштаба мог бы завершить подобный натюрморт и за один сеанс. Вместо этого он трудился над ним долго, многократно, буквально по миллиметру перемещая объекты в поисках безупречной композиции. Уже один этот факт заставляет внимательнее взглянуться в натюрморт. Важен и исторический контекст его создания — 1940 год, время тяжелейших испытаний. Художнику с трудом удалось уехать на поезде из Парижа под бомбежками. К этому добавлялись преклонный возраст и болезни. Привычный мир рушился на глазах, в него вторгалось нечто чуждое, обладающее разрушительной силой. Раковина на столе и стала таким инородным

объектом. Если мысленно исключить ее, перед нами предстанет уютный домашний уголок: всё остальное написано настолько убедительно, что зритель будто чувствует аромат кофе с молоком, оттененный свежестью зеленых душистых яблок. Но острые выросты раковины уже впились в стол, превращая черную столешницу в зыбкую, всё поглощающую и уничтожающую мглу. Кажется, еще мгновение — и это темное пространство поглотит белоснежную чашку вместе со всем остальным. Одно из яблок, словно вытолкнутое раковиной, уже оказалось за гранью картины...

Известно, что творческая личность закладывает в произведение гораздо больше, чем осознает в момент творения. Здесь имплицитно соединяются жизненный опыт автора, сложный социокультурный контекст и личные переживания. Именно поэтому визуальным эпиграфом к теме номера мы выбрали фотографию дверей одного из уникальных храмов буддийского комплекса Амарбаясгалант в Монголии. В их декоре символична каждая деталь. Да и сама дверь — это всегда образ границы, разделяющей пространство обыденного и сакрального. Подобной границей является и любое произведение искусства: за его видимой, осязаемой частью скрывается глубокое семантическое пространство. Именно там живут непреходящие идеи, символы и ценности, и таких шедевров на просторах Евразии великое множество. О них и рассказывает наш журнал.

Михаил Шишин,
главный редактор